

ОБОЗРЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

ГАСТРОЛИ МОСКОВСКОГО ТЕАТРА САТИРЫ

РОЛИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ...

Интервью с актером Московского театра сатиры А. МИРОНОВЫМ

КАЖДОЕ СЛОВО — всплеск нервного напряжения. Отчаянные, кричащие в боли и одиночестве глаза. Одинок, одинок в этой толпе, где и надежды не осталось на понимание, на любовь... «...Карегу мне, карегу!».

Аплодисменты. То, что принято называть «взрыв аплодисментов».

Кто из нас не писал школьного сочинения «Образ Чацкого в комедии Грибоедова «Горе от ума»? Так что в спектакле по знакомой пьесе ищем, как правило, незнакомого Чацкого. Требуем, ждем от актера — удивим нас, открой в привычном герое необычное, неожиданное! Заставь поверить в то, что твой Чацкий — единственно возможный, именно такого и задумал Грибоедов.

— **Андрей Александрович, как вы стали артистом? повлиял ли на это творческий путь ваших родителей, известных актеров?**

— Разумеется. И у меня не было иллюзий. Не было обманчивого, но возникающего у многих ощущения, что профессия актера — это вечный праздник, некая возвышенная атмосфера сцены, непереносимого успеха. Я видел в общем-то все муки актерского труда на примере своих родителей... Но определенно знал, что и сам стану артистом.

— **...А почему именно Театр сатиры? Тоже мечта?**

— Я учился в Вахтанговском. И как каждый студент, естественно, хотел работать в театре Вахтангова. Но туда меня не приняли. И я решил показаться во всех московских театрах. Как раз тогда в Театр сатиры пришел режиссер Валентин Плучек. Были поставлены «Клоп», «Баня», «Дамоклов меч», «А был ли Иван Иванович?», которые прозвучали очень интересно и современно. Поэтому туда я и обратился прежде всего. И вот уже 18 лет — в Сатире.

— **За эти годы вы сыграли много ролей и рассказать обо всех, конечно, невозможно. Несколько слов о тех, с которыми познакомились раньше.**

— Я занят в трех гастрольных спектаклях. Это «Безумный день, или Женитьба Фигаро», «Горе от ума» и, наконец, «Клоп». Прелесть «Женитьбы Фига-

ро» заключается для меня в том, что есть в спектакле не только каскад забавных ситуаций, захватывающая интрига, но и драматически насыщенный монолог Фигаро — в какой-то степени исповедь самого автора. Он переводит всю внешнюю красоту спектакля в иной план — ведь все гораздо серьезнее и глубже, чем может показаться на первый взгляд. Это трагедия таланта в окружении бездарности. Жизненный опыт героя, неиссякаемая энергия, незаурядный ум расходуются на борьбу с людьми, которые по сравнению с ним просто примитивны.

Вот к чему мне хочется привлечь внимание зрителей.

Чацкий — совсем другое. И в школе, и позднее, в начале своей работы, мне много раз приходилось переос-

мысливать этот образ. И все-таки окончательное решение я нашел у Гончарова, который писал, что направляющей силой пьесы является любовь.

— **Чацкий — образ глубоко трагический. Мы привыкли видеть вас в ролях совершенно иного плана...**

— Очень часто складывается стереотип восприятия актера. К моему счастью, время ампулы, кажется, уже прошло. Да и трудно современному актеру играть чисто комедийные или чисто трагические роли. Помню, в Ленинграде снимали телевизионную программу, ведущим которой был Кирилл Александрович Лавров. Актер, в общем-то, сугубо драматический. И он, представляя очередную комедию, в которой я снимался, с тоской говорил о том, что ему очень хотелось бы играть в комедии.

Я не могу сказать, что мне интересна лишь сатира. Часто спрашивают, мол, зачем тебе драма? Зрители любят комедию. Драматическую и комедию — немногие... Но ведь не всегда хочется смеяться, не всегда хочется острить. И, собственно, когда сегодня есть возможность играть один вечер Фигаро, другой — Чацкого, третий — в новой пьесе Александра Гельмана «Мы, нижеподписавшиеся...» (роль совершенно другого плана), это дает возможность роста, творческого самосовершенствования.

— **Удалось ли вам сыграть на сцене театра такую роль, которая удовлетворяла бы вас не только как актера, но и как человека?**

— Пожалуй, да. Это

Шиндин в новой пьесе А. Гельмана «Мы, нижеподписавшиеся...».

У нас как-то принято делить героев на положительных и отрицательных. А есть ли в жизни абсолютно плохие или абсолютно хорошие люди? Шиндин — разный. А чем сложнее, чем противоречивее образ, тем интереснее. Мой герой где-то непоследователен, резок. Он — человек ошибающийся, сомневающийся. Но это человек, у которого есть идеал. Есть стремление к этому идеалу, вера. Уже это вызывает у меня желание играть роль Шиндина. Таких людей в жизни много, а вот в пьесах, к сожалению, не очень. И поэтому мне так дорог этот образ, и тем больше удовлетворение, которое я испытываю от работы над ним.

В театре на Малой Бронной у режиссера Эфроса я играю в новой пьесе Радзинского «Окончание Дон Жуана». Здесь Дон Жуан, тонкий, вдумчивый интеллигент, из господина превращается в «слугу» своего слуги — «сильного хама» Лепорелло, для которого нет ничего святого. Вопреки своему комическому «стереотипу» я играю в этом спектакле именно Дон Жуана.

Многие современные режиссеры вначале были актерами. Скоро состоится и мой режиссерский дебют — спектакль «Феномены» по пьесе Григория Горина.

— **Удачной вам премьеры и успехов в дальнейшем творчестве! Спасибо за беседу.**

Интервью вела
Г. МИРОНЕНКО.
Фото В. ПОПОВА.

